

нетребовательности. Параллельно из русской литературы, поступавшей в обиход в большинстве случаев через французские или немецкие переводы, печатаются лучшие романы и повести, уже одобренные русскими и западными читателями и получившие благодаря этой оценке широкое распространение и в других странах. Характерны, например, такие факты: на страницах консервативной газеты *Ероса*, которую ни в коем случае нельзя подозревать в пристрастной положительной оценке к русской литературе, а вернее всего наоборот, появляются в 1897 г. в переводе *Дворянское гнездо* Тургенева, *Семейное счастье* Толстого, *Слепой музыкант* Короленко и, одновременно, французские романы: *Дитя бездны* Мик Д'Агана, *Жертва обители* Максима Рюда, *Город преступления* Массона Форестьера и т.д. В 1905 г. газета *Cronica* переводит наряду с *Мертвыми душами* Гоголя, такие французские романы, как: *Слезы Жанны* Арсена Русэ и *Роман одного монаха* Жака Марибэа. Несомненно, что при таких встречах победа оставалась на стороне русского романа. И примеры такого рода можно умножить.

Таким образом можно сказать, что также как и во Франции, Германии, Англии и т.д., в Румынии русский роман начинает систематически проникать и распространяться с 80-ых гг. прошлого столетия и что данный процесс принимает в последние два десятилетия 19 в. и в начале 20 в. развернутый характер. Популяризация русских романов и повестей не является случайной, зависящей от инициативы отдельных единичных лиц, в ней проявляют заинтересованность широкие круги читателей, деятели культуры, писатели и т.д. Русский роман последовательно и энергично утверждается в культурной жизни Румынии. И это становится настолько очевидным фактом, что о нем не могут умолчать даже круги, ничего общего не имеющие с передовыми воззрениями русской литературы. «Было бы напрасно распространяться в похвалах к русской литературе, румынский читатель вполне убежден в ее достоинствах, свидетельство тому постоянное умножение числа переводов из русской литературы. Это доказывает, что данные книги пользуются успехом и читатель ценит их», отмечает консервативная газета *Ероса*¹.

Утверждение русского романа становится последовательным и все расширяющимся явлением, которое румынская общественность эпохи рассматривает и оценивает сознательно как одну из характерных особенностей современной ей культурной жизни страны. Об этом говорит довольно ясно историк Николае Йорга: «После того, как французы утратили большую часть своего влияния, очарование и увлечение этими другими художниками (т.е. русскими — Т.Н.) будет еще долго продолжаться... Под влиянием *Записок охотника*, *Войны и мира*, *Записок из мертвого дома* будут жить и мыслить два поколения»².

Чем же следует объяснить этот глубокий интерес, проявленный к русскому роману, а также то место, которое он занял в литературной жизни Румынии конца 19 и начала 20-го века?

¹ 1909. 20.V, стр. 1—2.

² N. IORGA, *Istoria literaturii rominești contemporane*, 1934, т. I, стр. 326.